

УДК 81'44

В. В. Катермина

Языковая личность автора в художественном тексте

Статья посвящена рассмотрению особенностей функционирования языковой личности автора в художественном тексте. Постижение сути языковой личности автора является определением тех путей, посредством которых происходит реализация идиолектных и идиостилевых авторских интенций. В статье подчеркивается, что авторская языковая личность — вид полноценного представления личности творца, вмещающий в себя и психический, и социальный, и этический компоненты, но преломленные через его язык, дискурс его текстов.

Ключевые слова: языковая личность, автор, художественный текст, идиолект, идиостиль, картина мира, культура.

V. Katermina. Language personality of an author in a literary text

The article is devoted to the description of peculiarities of a language personality of an author in a literary text. The offered approach of studying the language personality of an author singles out the ways by means of which the realization of idiolectic and idiostylistic intentions can happen. The idea of the language personality as a full representation of a personality of a creator including psychic, social and ethical components interpreted through the language and discourse of the texts is considered to be the basic idea.

Keywords: language personality, author, literary text, idiolect, idiostyle, picture of the world, culture.

Художественное произведение — единая эстетическая система, художественная реальность, и только в ее пределах в полной мере возможно постижение соотношения слова и мысли художника, а следовательно, индивидуальности авторского словоупотребления.

Б. А. Ларин

Тенденция к гуманизации, затронувшая в последние десятилетия практически все науки, не могла обойти стороной и языкозна-

ние. Лингвистическая прагматика сделала основным объектом исследования фигуру говорящего. Нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю — к человеку, к конкретной языковой личности.

Идея языковой личности пронизывает все аспекты изучения языка и разрушает границу между дисциплинами, изучающими человека, поскольку нельзя изучать человека вне его языка. Постигая родной язык, человек постепенно знакомится с богатством и разнообразием окружающего мира от конкретных предметов, элементарных норм поведения до абстрактных понятий и закономерностей мироздания. Человек формируется как личность, лишь приобщившись к культуре и принимая участие в социальной деятельности и развитии языка. Как известно, именно человек, личность творит культуру и живет в ней. Именно в личности на передний план выходит социальная природа человека, а сам человек выступает как субъект социокультурной жизни. Поэтому личность должна рассматриваться в перспективе культурной традиции народа, этноса, так как для рождения человека в человеке необходим культурно-антропологический прототип, который формируется в рамках культуры.

Личность как совокупность социально значимых духовных и физических качеств индивида в лингвистическом аспекте рассматривается как речевая, идиолектная личность, личность коммуникативная и личность языковая, этносемантическая. Под речевой личностью понимается человек — носитель речи, обладающий способностью к использованию языковой системы в целом в своей деятельности [6, с. 3; 4, с. 1; 5, с. 3]. Языковая личность трактуется также как «совокупность особенностей вербального поведения человека, использующего язык как средство общения — личность коммуникативная» [22, с. 64]. Под личностью собственно-языковой может пониматься закрепленный преимущественно в лексической системе языка базовый национально-культурный прототип носителя определенного естественного языка, составляемый на основе мировоззренческих установок, ценностных приоритетов и поведенческих реакций, отраженных в словаре [11; 16].

Личность вообще, по образному определению Н. Ф. Алефиренко [1], рождается как своеобразный «узелок», завязывающийся в сети взаимных отношений между членами конкретного этнокультурного

сообщества в процессе их совместной деятельности. Иными словами, основным средством превращения индивида в языковую личность выступает его социализация, предполагающая три аспекта: а) процесс включения человека в определенные социальные отношения, в результате которого языковая личность оказывается своего рода реализацией культурно-исторического знания всего общества; б) активная речемыслительная деятельность по нормам и эталонам, заданным той или иной этноязыковой культурой и в) процесс усвоения законов социальной психологии народа. При становлении языковой личности особая роль принадлежит второму и третьему аспектам, поскольку процесс присвоения той или иной национальной культуры и формирование социальной психологии возможны только посредством языка. Лингвокультурная личность — закрепленный в языке (преимущественно в лексике и синтаксисе) базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка, составляющий вневременную и инвариантную часть структуры личности.

Ю. Н. Караулов в структуре языковой личности выделяет три уровня: вербально-семантический, предполагающий для носителя нормальное владение естественным языком; когнитивный, единицами которого являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой индивидуальности в более или менее упорядоченную картину мира, отражающую иерархию ценностей; и прагматический, заключающий цели, мотивы, интересы и национальности [17, с. 5]. Основное место в этой структуре принадлежит ценностям, представляющим «лично окрашенное отношение к миру» [13, с. 120]. Эти ценности, состоящие из культурных доминант, образуют «ценностную картину мира» [16], которая и создает определенный тип культуры, существующий в том или ином языке.

Языковая личность характеризуется не только степенью владения языком, но и выбором — социальным, личностным — языковых средств различных уровней, а также видением мира, определяемым языковой картиной, сложившейся в данном языке. Кроме того, говорящий создает свою собственную языковую картину мира, которая становится основой разнообразных авторских приращений значений языковых единиц — «значений говорящего». Положение о создании «значений говорящего» особенно актуально, когда речь идет о творце художественного текста — большом художнике, который чувству-

ет «странный смысл слов» (Ю. Тынянов) и строит на основе этих «колеблющихся» «мерцающих» значений смысловую основу текста.

Мы разделяем мнение Е. В. Брысиной о том, что языковая личность, живущая на определенной территории, входящая в состав данной социальной культурной общности и активно участвующая в коммуникативном процессе, стоит в центре внимания художественного текста, одновременно оказывая определенное влияние на формирование его смысловой структуры [8].

Проблема определения понятия «языковая личность» обостряется при выборе текста художественного произведения объектом лингвистического исследования. Возникающий при этом круг вопросов связан с соотношением понятий «языковая личность», «автор», «образ автора». Можно сделать вывод, что автор, конкретный индивид, творя художественное произведение (вступая в коммуникацию, т. к. художественное произведение существует для читателя и реализует авторскую потребность в общении), креатирует свой образ, возможно, даже не осознавая этого. Каждое художественное произведение содержит образ автора, который демонстрирует то или иное представление об индивиде, его написавшем. «Сокровенная тайна воздействия художественных образов на писателя как раз и состоит в восприятии их как лиц вполне реальных, как лиц, взятых прямо из жизни» [17, с. 30]. Таким образом, автор как индивид, интериоризировавший определенную партитуру национального языка, на котором написано художественное произведение, представляет собой определенную языковую личность.

Сложность изучения языковой личности автора состоит в том, что писатель выступает в своих произведениях не как единая целостная языковая личность, а как множество говорящих и понимающих личностей. В этом случае речь идет не о языке индивидуальности, а о языке соответствующей эпохи [3]. Индивидуальный языковой колорит определяется «характером отображаемой автором действительности, особенностями избираемой тематики, специфическими чертами персонажей», однако «тезаурус личности, как способ организации знаний о мире, имеет явно выраженную тенденцию к стандартизации его структуры, к выравниванию ее у разных членов говорящего на одном языке коллектива, при одновременном произволе в способах ее субъективации, индивидуального присвоения» [17, с. 172].

Мы считаем, что сущностные особенности языковой личности писателя можно выразить двумя положениями: во-первых, языковая личность писателя-творца индивидуализирована, во-вторых, она существует не в вакууме, а в рамках национальной картины мира и может реализовать индивидуальные черты только на общем концептуальном фоне.

Исследуя язык писателя или отдельного его произведения с целью выяснить, что представляет собой этот язык в отношении к господствующему языковому идеалу, характер его совпадений и несопадений с общими нормами языкового вкуса, мы тем самым «вступаем уже на мост, ведущий от языка как чего-то внеличного, общего, надындивидуального, к самой личности пишущего» [10, с. 237].

Проблема авторского видения картины мира, по мнению Д. М. Поцепни, должна решаться с учетом трех аспектов:

1. Важнейшие художественные идеи и понятия цикла в их словесной реализации. Этот аспект подразумевает выявление: а) мотивов; б) градации мотивов; в) ключевых слов; г) семантических полей эстетически действенных слов; д) «соотнесенности с философскими и литературно-эстетическими исканиями порубежной эпохи» [21, с. 227].

2. «Образ языка» произведения. Второй аспект подразумевает: а) описание лексики «цветообозначения», т. е. «цветописи» писателя; б) отношение автора к тропам, т. е. «к системе характерных для него тропов в соотношении с теми пластами лексики, которые окажутся вовлеченными в образные контексты» [21, с. 233] (лексика быта, сравнения, эпитеты и т. д.).

3. Эмоциональный тон повествования подразумевает «характеристику эмоционально-оценочного компонента авторской картины мира» [23, с. 241].

Языковая личность писателя формируется под влиянием констант, поэтому они находят свое выражение в художественном тексте. «В любом художественном тексте встречаются слова, несущие дополнительную смысловую нагрузку, окруженные особым коннотативным ореолом и нередко получающие символическую функцию» [2, с. 525].

Выявление эстетически действенной лексики в художественной речи писателя связано с осмыслением идейного содержания его творчества.

Важно отметить, что в процессе анализа языковой личности писателя необходимо учитывать и позицию автора по отношению к изображенному, которая должна определяться по тому, как «изображена наружность, дает ли автор цельный трансгредиентный образ ее, насколько живы, существенны и упорны границы, насколько тесно герой вплетается в окружающий мир, насколько полно, искренне и эмоционально напряженно разрешение и завершение, насколько спокойно и пластично действие, насколько живы души героев. Только при соблюдении всех этих условий эстетический мир устойчив и довлеет себе, совпадает с самим собою в нашем активном художественном видении его» [3, с. 208].

Разрабатывая принципы исследования языковой личности автора, Ю. Н. Караулов обращается к его словоупотреблению. Он выделяет ключевые слова-темы по двум критериям: «частоте употребления и разворачиванию вокруг них в тексте наиболее крупных семантико-тематических групп лексики», объединяющих метафорические и метонимические обозначения, контекстуальные антонимы, тематически развивающие какую-либо идею слова [17, с. 81].

Языковая личность писателя реализуется в художественном тексте. Художественное произведение всегда отмечено авторской индивидуальностью, его индивидуальным стилем, получившим название идиостиля. Авторская индивидуальность проявляется прежде всего в организации текста по принципу индивидуальной образности [7, с. 132—133]. Именно индивидуальная образность «делает словесное произведение произведением искусства» [25, с. 17]. Поскольку «изобразительная функция образности сочетается с когнитивной (познавательной)... образные средства актуализируют стоящие за языковыми единицами концептуальные структуры и конденсируют знания о мире» [19, с. 77].

В процессе создания художественного текста автор стремится запечатлеть актуальное для него содержание, личностный смысл. Основой творческого акта является мыслительный процесс. Таким образом, реалии, предметы служат для него мотивом, а результатом является фиксация вышеупомянутого личностного смысла в языковых единицах.

Мы предполагаем, что постижение сути языковой личности автора, раскрывающейся в языке художественной литературы, — это

в первую очередь определение тех путей, посредством которых происходит реализация идиолектных и идиостилевых авторских интенций.

В. В. Леденева дает следующее определение понятия идиолекта: «Идиолект — языковые составляющие в их функциональном применении, а следовательно, в горизонтальных связях, которые эксплицируют семантику языковых единиц в контексте и обнаруживают знание языковой личностью законов синтагматики и парадигматики, действующих в языке, необходимых в текстообразовании» [18, с. 84].

В современной лингвистике понятие идиолекта соотносимо с понятием идиостиля. В теории художественной литературы различие между ними в общем виде состоит в следующем. Под идиолектом определенного автора понимается вся совокупность созданных им текстов в исходной хронологической последовательности (или последовательности, санкционированной самим автором, если тексты подвергались переработке). Следует учитывать в полной мере и подход Л. А. Новикова, определяющего идиостиль как всю «совокупность языковых выразительных средств автора» [20, с. 56]. В работах С. Т. Золяна, рассматривающих этот подход, доминанта понимается как «фактор текста и характеристика стиля, изменяющая обычные функциональные отношения между элементами и единицами текста. <...> Предполагается, что поэтический идиолект может быть описан как система связанных между собой доминант и их функциональных областей» [15, с. 56].

Среди многообразия точек зрения на соотношение таких понятий, как поэтический язык, поэтический текст, поэтический идиостиль и идиолект, современные ученые выделяют два основных подхода. Первый состоит в том, что идиолект и идиостиль считаются соотносящимися между собой как поверхностная и глубинная структуры в описаниях типа «Смысл — Текст» или же образующими триаду «Тема — Приемы выразительности — Текст» [14]. Представленное на поверхности множество связанных между собой языковых факторов, составляющих идиолект, уходит функциональными корнями в «языковую память» и «генетику лингвистического мышления» автора и в результате оказывается сводимым к иерархической системе инвариантов, организующих так называемый поэтический мир ав-

тора. По В. П. Григорьеву, «описание идиостиля должно быть устремлено к выявлению глубинной семантической и категориальной связности его элементов, воплощающих в языке творческий путь поэта, к сущности его явной и неявной рефлексии над языком» [12, с. 35]. Объединяющую все описание характеристику языковой личности поэта В. П. Григорьев называет «образом автора идиостиля» по естественной аналогии с идеями В. В. Виноградова и М. М. Бахтина. При этом в описании выделяется не только направление «идиолект — идиостиль», имеющее свою систему правил перехода, но и направления «текст — идиолект» и «язык — идиолект».

Вторая тенденция развития научной мысли выражается в предпочтении функционально-доминантного подхода при целостном описании идиостиля. Основы данного подхода были заложены в трудах Ю. Н. Тынянова, а также Л. С. Выготского.

В целом современные исследователи исходят из противопоставления «язык — его индивидуальная модификация», и с этой точки зрения «идиолект/идиостиль» рассматриваются в аспекте соотношений «язык/стиль». В этом плане идиостиль реконструируется по материалам идиолекта — совокупности языковых форм «индивидуального говорения» [12]. Следует также принимать во внимание отношение между идиостилем и идиолектом как целое — часть, обозначенное в следующей дефиниции: «индивидуальный язык, идиолект, характеризуется как важнейшая составляющая индивидуального стиля, или идиостиля» [9, с. 171]. Особую совокупность таких форм представляют собой средства выражения оценочного значения в идиостиле писателя.

Таким образом, подводя итоги, укажем, что под языковой личностью мы понимаем совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений, языковую компетенцию, характеризующуюся глубиной и точностью отражения действительности, степенью структурно-языковой сложности, при этом интеллектуальные характеристики языковой личности выдвигаются на первый план. Авторская языковая личность является видом полноценного представления личности творца, вмещающим в себя и психический, и социальный, и этический, и другие компоненты, но преломленные через его язык, курс его текстов.

* * *

1. Алефиренко Н. Ф. Этноязыковое кодирование смысла и культура // Филология и культура: матер. 2-й Междунар. науч. конф. Тамбов, 2001. Ч. 2. С. 82—84.
2. Арутюнова Н. Д. Символика уединения и единения в текстах Достоевского // Язык и культура. Факты и ценности. М.: Языки славянской культуры, 2001.
3. Бахтин М. М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000.
4. Богин Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1984.
5. Богин Г. И. Типология понимания текста. Калинин: КГУ, 1986.
6. Богин Г. И. Уровни и компоненты речевой способности. Калинин: КГУ, 1975.
7. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста. Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2004. Ч. 2.
8. Брысина Е. В. Языковая личность и знаковая семантика // Языковая личность: проблемы обозначения и понимания: тез. докл. науч. конф. Волгоград: Перемена, 1997. С. 24—25.
9. Виноградов В. А. Идиолект // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.
10. Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1959.
11. Воркачев С. Г. Безразличие как этносемантическая характеристика личности: опыт сопоставительной паремиологии // Вопросы языкознания. 1997. № 4. С. 115—124.
12. Григорьев В. П. Грамматика идиостиля. М.: Наука, 1983.
13. Гуревич А. Я. Философия культуры. М.: Просвещение, 1995.
14. Жолковский А. К., Щеглов Ю. К. Работы по поэтике выразительности: Инварианты — Тема — Приемы — Текст. М.: Прогресс-Универс, 1996.
15. Золян С. Т. От описания идиолекта — к грамматике идиостиля (на материале поэзии Л. Мартынова) // Язык русской поэзии XX века: сб. научн. трудов. М.: Наука, 1989. С. 238—259.
16. Карасик В. И. Оценочная мотивировка, статус лица и словарная личность // Филология — Philologica. Краснодар: КубГУ, 1994. С. 2—7.
17. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.
18. Леденева В. В. Особенности идиолекта Н. С. Лескова: средства номинации и предикации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000.

19. Николина Н. А. Филологический анализ текста. М.: Academia, 2003.
20. Новиков Л. А. Стилистика орнаментальной прозы Андрея Белого. М.: Наука, 1990.
21. Поцепня Д. М. Образ мира в слове писателя. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1997.
22. Сухих С. А., Зеленская В. В. Репрезентативная сущность личности в коммуникативном аспекте реализаций. Краснодар: Изд-во Краснодар. гос. ун-та, 1997.
23. Сухих С. А. Принципы и методы интегративного подхода в лингвистике // Принципы и методы исследования в филологии. Конец XX века: Научно-методический семинар «Textus»: сб. ст. Вып. 6. Раздел 1. Общие методологические проблемы филологии. СПб.: Ставрополь, 2001. С. 37—45.
24. Тынянов Ю. Архаисты и новаторы. Л.: Прибой, 1929.
25. Шмелев Д. Н. Слово и образ. М.: Наука, 1964.

УДК 821.161.1

А. А. Лысов

Солярный комплекс мотивов в творчестве Н. А. Клюева

В статье рассматривается один из наиболее значимых в творчестве Н. А. Клюева мотивных комплексов — солярный. В основе этого комплекса варьируются два солярных мотива: мотив гибели солнца и заклинательный мотив величания солнца. Оба мотива тесно взаимосвязаны и несут в тексте Клюева определенную функциональность.

Ключевые слова: *лирический герой, солярный мотив, солярная образность, солярный культ, осень, зима, вечер, ночь.*